

Фольклорные и литературные штрихи

Несмотря на малочисленность чувашских селений на Самарской Луке до последних десятилетий довольно богато сохранились в них драгоценные образцы устного народного творчества.

Отдельным сборником фольклорные материалы чувашей Самарской Луки до сих пор не изданы, их обзор проводится нами по источникам Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. Помимо записей проведенных во время научных экспедиций 1971 и 1993-1995 гг., для данного обзора большую ценность представляют рукописи Алексея Лукьяновича Харитонова. Уроженец села Березовый Солонец А. Харитонов (1922-1985) в 1950—1970 гг. прислал большое количество фольклорных и этнографических материалов. Его информации встречаются в 9 единицах хранения (томах) Научного архива упомянутого института. Многие записи сделаны им от своего отца Лукьяна Акимовича Харитонова, 1886 года рождения: тот был известным сказочником в округе. Алексей Лукьянович поддерживал постоянную связь с чувашскими учеными, был знаком и с самарскими краеведами¹.

В 1930-е и последующие годы разные сведения изредка публиковались в местной печати на чувашском и русском языках. Фольклорные тексты позволяют очертить интересную картину художественного мира чувашей.

Остановимся вначале на исторических преданиях и легендах. В народе неплохо помнят рассказы своих предков о первых переселенцах-чувашах Самарской Луки. Прибывшим на необжитые места пришлось испытать много страха и тревог. Об этом говорят и названия городищ — *Хула-ту* (Гора-крепость), *Аслă хула* (Великий

город), *Калмăк сұлĕ* (Дорога калмыков) и др. Чуваши поселились здесь «якобы после разрушения Казанского ханства»². А.Л.Харитонов даже пишет, что чуваше еще до XIII века жили на Самарской Луке. При этом он ссылается на самарского краеведа А. Соболева³. Безусловно, во времена Волжской Булгарии и Казанского ханства предки чувашей вполне могли проживать в этих краях. Название местности *Улăппай пылăх сырми* (Урочище Улыпая) А. Л. Харитонов связывает с именем какого-то татарского бая времен Казанского ханства⁴.

Им же было записано одно предание, по которому предки чувашей переселялись с юга на север по Волге, некоторые из них не захотели подчиниться своим предводителям, они будто бы захотели жить вольной жизнью. Добравшись до этой местности оврагами, лесными чащобами и полянами, они тайком отстали от своей основной группы. Иные говорят, что они остались, заблудившись⁵.

Возможно, это предание связано с булгарами — предками чувашей, основавших в X в. на Самарской Луке город-крепость, известный сегодня как археологический памятник Муромский городок.

В связи с этим уместно вспомнить о топониме «Аскул». Через Самарскую Луку с севера на юг длиной в двадцать километров тянется большой и глубокий овраг. Местные чуваше называют его Аскуловским (*Аскул сырми*). Возможно, топоним «Аскул» закрепился за упомянутым оврагом от названия племени, проживавшего еще в X в. на данной местности. В центре излучины Волги ныне имеется село Аскулы, которое возникло в более позднее время, но основателями его считают чувашей⁶. Арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан, в качестве секретаря посольства Багдадского халифата в 921—922 гг. посетивший Волжскую Булгарию, в своих записях не раз упоминает об этом племени⁷. В русской научной литературе его название

фигурирует под словом «эскер (эсекел)». В старинных книгах гласные звуки не обозначались, поэтому такое прочтение считается условным. А в пользу формы «аскул» говорят и названия городка и притока Северского Донца — Оскол. Аскулы, видимо, под давлением татаро-монголов, с Волги переселились на западные земли.

В преданиях отразились исторические сюжеты и позднего времени, к примеру, о Степане Разине. Возможно, что они переняты чувашами из русского фольклора. Например:

Атӑл тӑрӑх юхатъ кушма,

Кушма ҫинче ҫын вилли.

Юхса тухрӑ перӑке,

Кӗлсе пычӑҫ. пар лаша,

Илсе хучӑҫ. виллӑне,

Илсе кайрӑҫ. чиркӑва.

Пуп пуҫӑнчӑ кӗл тума,

Стенька Разин тӑрса ларч(ӗ)⁸.

(По Волге плывет кошма, на кошме тело мертвеца. Приплыла (кошма) к берегу, привели пару запряженных лошадей, переложили мертвеца, повезли в церковь. Поп начал отпевать — Стенька Разин приподнялся и сел).

В Среднем Поволжье широко распространена русская легенда «Трубка Разина». Она сама, а также ее стихотворные пересказы не раз появлялись в печати. На чувашском языке они записана в 1954 г. А. Харитоновым. От русских текстов легенда почти не отличается. После поражения и ранения под Симбирском С. Разин со своей ватагой доплывает по Волге до Жигулей, поднимается на вершину

высокой горы и там хоронит свою золотую трубку со словами: «Кто найдет мою золотую трубку, тот продолжит после меня наше дело». Отплыла лодка от берега — задымилась трубка Разина. Теперь эта легенда о крестьянском атамане стала одной из лучших и среди чувашей, она опубликована в шеститомнике чувашского фольклора⁹ и в пересказе в стихах¹⁰.

Лучше и подробнее знают чувашаи историю своих деревень и их основателей. Например, из предания, записанного от Кальбердина Якова Ильича в 1971 г., перед нами предстает картина основания селения Севрюкаево: «Севрюкаево образовалось очень-очень давно, его основателем считается человек по имени Севреке. Он вроде был человек мощного телосложения, очень сильный: его топор весил более полупуда, а когда рубил лес — слышно было за версту. Этот Севреке вырубал деревья, выкорчевывал пни — превращал лес в поле. Вскоре к нему стали переезжать и другие чувашаи с территории современной Чувашии. Село располагалось в низменном и болотистом месте, но люди высушили болота. Севрюкаево по-чувашски называется *Çăлкуç*. Это потому, что раньше было очень много ключей»¹¹.

По словам информатора, севрюкаевцы в старину опасались бурлаков, которые издевались над работавшими, насиловали женщин. Стоило только увидеть *елккем тӑрри* (мачту), так работавшие на полях прибегали в село. Поэтому в наиболее удобных для подъема на берег местах были сооружены укрепления. Когда поднимались бурлаки либо жившие близко калмыки, на них спускали бревна. Остатки Городища (Аслă Хула) около деревни Лбище у Волги как раз будто бы относятся к такому укрепленному пункту («оно использовалось для борьбы против калмыков»)¹². А дорога,

проходящая мимо Аслă Хула, называется Калмăк сұлĕ (Дорога калмыков).

Происхождение деревни Кармалы связывают с городищем Хула-ту, которое находится в лесу, рядом с деревней. По пересказанному Федором Матвеевичем Тимофеевым преданию, это место было высокое, в четыреста метров, в старину вокруг него был вырыт канал, а люди жили наверху, на площадке около одного гектара. Вокруг стены были привязаны бревна. При нападении воров канаты этих бревен разрубали топором. На вершине горы до недавнего времени находили обломки керамики¹³.

Судя по преданию, в 5—7 километрах западнее Севрюкаева находилось еще одно чувашское поселение. Его жители были очень боевые, гордые, себя в обиду не давали. Жили в полуземлянках, занимались земледелием. Если кто-нибудь обидит односельчанина, то такого избивали всем селением. Русские из окружающих селений побаивались их : чувашские батыри за обиду могли поджечь недружественные деревни. «Однажды русские из всей Луки собрались и прогнали чувашей за Волгу всех, от мала до велика. Остались было незаметно один старик со старухой, да и тех нашли и переправили через Волгу. Заволжские русские очень много бед терпели от набегов киргизов (казахов), потому, прослышав об этих удалых чувашах, просили их остаться в своей деревне. Русские с. Покровского уговорили их поселиться в их селе. Чувашаи не только отражали нападение киргизов, но и сами ходили на них походом. А село сейчас называется по-чувашски Улхаш»¹⁴.

Таковы основные фольклорные сведения об исторической старине правобережных чувашей Самарской Луки. Они часто связаны с топонимами — названиями населенных пунктов, оврагов, гор, киреметей.

Широко распространенным жанром фольклора являются песни. Эти небольшие по объемам произведения народного творчества лаконично и ясно выражают переживания людей по разному поводу. Песенный фольклор местных чувашей богат и самобытен. Известный чувашский композитор Григорий Хирбю при приеме в Научный архив материалов А.Харитонова в 1954 г. дал им такую оценку: «Считаю, что чувашские песни, записанные мною от Харитонова А.Л., представляют ценность в том отношении, что все они, за исключением плясового мотива, совершенно не похожи на записанные до настоящего времени в пределах Чувашской, Татарской и Башкирской АССР или где бы то ни было в другом месте»¹⁵. Подобное мнение о чувашских песнях Самарской Луки высказал и музыковед Александр Осипов по свадебному фольклору¹⁶. В подтверждение этих мнений рассмотрим некоторые тексты песен из упомянутой тетради А. Харитонова.

Картина родной местности встречается, например, в солдатской песне. Взгляд издалека сперва подмечает дальние, большие предметы, а потом — малые, близкие. Такое перечисление и краткое описание их друг за другом помогает обрисовать цельную и ясную картину. Включение ее в контекст солдатской песни помогает лучше выразить лирические переживания. Воспеваются леса, сады, деревни, улицы и другие привычные детали чувашских сел и деревень Самарской Луки. Но лирический герой (неизвестный автор) не забывает упоминать и название родной деревни. Вот начало песни:

Хурниçсин ялĕ, ай, хула ял,

Хула ялĕ йĕри-тавра хура вĕрман,

Хура вĕрман хĕррипе улмуçсиллĕх.

Çулси хăпаратъ симĕс чатăр пек,

Çеçки çурăлатъ шурă кĕмĕл пек,

Улми тевеленет сар ылттан пек.

(Село Хурнись, ай, похоже на город. Вокруг села темный лес. По краю леса яблоневый сад. Листва поднимается, как зеленый шатер, цветы распускаются подобно серебру, яблоки наливаются желтым золотом.)

В чувашском фольклоре распространены песни о деревьях и диких животных. Но если в них речь идет о пользе деревьев и характере зверей, то в песне «*Шӑпҫи кӑнтӑрлара*» (Ровно в полдень) поется о птицах, сопутствующих чуваш в обыденной жизни. Тут главное внимание уделено душевным переживаниям сельчан: пение отдельной птицы ассоциируется с определенными чувствами людей той или иной возрастной группы. Общий настрой текста минорный. Видимо, песня была сложена в тяжелое для народа время. Читателю предлагается реконструктивный вариант:

Шӑпҫи кӑнтӑрлара тӑри юрлат(ь),

Ывӑлсӑр-хӗрсӗр чӗрине вӑлӑ сурат(ь).

Каҫ(х)ине пу(л)сассӑн куккук автат(ь) —

Тӑлӑх-турат чӗрине вӑлӑ сурат(ь).

Сурма сӗрӗ ситсем автан автат(ь) —

Арсар арӑм чӗрине вӑла сурат(ь).

Шурӑмпуҫ. умӗнчен шӑпчӑк юрлат(ь) —

Арлӑ арӑмсене вӑлӑ вӑратат(ь).

Хӗвел тухнӑ чухне чӗкеҫ юрлат(ь) —

Самрӑк ача чӗрине вӑл вӑратат(ь).

(Ровно в полдень поет жаворонок, это разрывает сердца бездетных, к вечеру кукушка кукует — это разрывает сердца сирот. В полночь петух кукарекает — это разрывает сердца вдов, на рассвете соловей поет — это будит замужних женщин. С восходом солнца ласточка поет — это будит сердца парней.)

Свадебные песни также имеют местный характер — за невестой едут по Волге в дальнюю деревню. Песни звучат как эпическое повествование. Дружки жениха изображены как боевой отряд, в этом чувствуется дыхание древнего обряда. Не зря «защитники жениха» (дословный перевод *кёрў нёкерё*) сравниваются с драгунами. Употребление этого слова говорит о том, что вариант данной песни сложен в XVIII—XIX вв. хотя ее сюжетная канва вполне могла бытовать много раньше. Текст песни по своему стилю созвучен речи старшего дружки — образцу народного эпоса. Вот первые слова песни:

Аллă сұхрăм Атăлне

Шав саннине сире кайăпăр.

Ситмĕл сұхрăм сесен хирне

Шав сескине сире кайăпăр.

Сакăр вунă салтак килтĕмĕр,

Тăхăр вунă траку килтĕмĕр.

Касас пак та чикес пек,

Хёрне и(л)се тухса каяс пек.

(Пятьдесят верст во Волге поедем, разгребая сугробы.
Семьдесят верст по степи поедем, цветы раздвигая. Приехали мы, 80

солдат, приехали мы, 90 драгунов. Будто вот-вот зарубим и пырнем, вот-вот невесту увезем.)

Другая солдатская песня сложена в годы Первой мировой войны. Об этом можно догадаться из первых ее строк, где упоминается противостояние России с Германией. Но нельзя относить эту песню к историческим. В ней главное место занимает трагическое переживание солдата перед сражением. Подобные описания встречаются и в записях XIX в. Но там о состоянии души солдата рассказано совсем иными словами. Вместе с тем из репертуара других подобных текстов здесь использованы образы меча и иного оружия, а также грача (ворона). Но это вполне соответствует традициям таких произведений у разных народов:

Россияпа Германи хушшинче

Хёсёпе пашалё выляна тэрат(ь).

Хёсёпеле касса пэрахё-ши?

Пашалёпе персе вёлерёс-ши?

Тупёпеле персе сунтарёс-ши?

Сула урлэ ўксе эп вилёп-ши?

Кусэ́мсана кураксем сэхса, ай, илёс-ши?

Шэ́мэсам салана-салана, ай, кайёс-ши?

Камси пу́старса хура сёре, ай, чикё-ши?

Эп епле вилнине эсёр курас сук.

(Между Россией и Германией сабли и ружья постоянно скрещиваются. Саблей ли зарубят? Из ружья ли застрелят? Из пушки ли спалят? Умру ли, упав поперек дороги? Выключут ли грачи глаза

мои? Рассыпятся ли кости мои? Кто их, собрав, похоронит? Мою смерть вам не увидеть.)

Своеобразный жанровый вид фольклорных произведений представляют собой причитания. Обычно они слагаются экспромтом, в них выражается глубокая грусть-печаль по усопшему. Приуроченные к разным обстоятельствам и лицам, слова причитаний бывают разными, а их ритмический строй свободен. Приведенное ниже причитание произнесено матерью по погибшему на войне сыну:

Вилтён те сёттёрён,

Хам пәха пёлмерём-ши?

Турә сәпла сырчё-ши?

Хам пәхма ўркентём-ши?

Эпё тәләх юлтәм,

Мёнле пурәнам-ши?

Хам чёрем патёнчи сәвәма

Кайса чәсса хурәп та

Мёнле чәтса-тўссе пурнәп-ши?

(Погиб и пропал. Сама ли не смогла уберечь? Или Бог так присудил? Сама ли поленилась присмотреть за ним? Осталась я сиротою. Как же мне жить? После похорон кусочка сердца своего, как же мне вытерпеть и дальше жить?)

Следующая песня по содержанию относится к сюжетным. Чувашские исследователи их именуют *пейёт* (от татарского «баит») — «балладами». В ней говорится о девушке, утонувшей в реке. Она поется от первого лица, что является широко распространенным

приемом народной песни. Песня сложена людьми, глубоко пережившими эту трагедию:

Тух(х)ăрăм уттăрăм аслă çулёпе,
Çиттĕрĕм çапăнтăм хĕрлĕ сыр айне.
Хĕрлĕ сыр айĕнче хура шыв юхат(ь),
Хура шывĕ çинче сар лутки ларат(ь).
Лараймарăм, аннеçĕм, сар лутка çине,
Ишеймерĕм, тăвансем, симĕс веслипе.
Эсĕр каланă кунне эп çитеймерĕм,
Çитсессĕн те сире эп кураймарăм,
Курсассăн та сирĕнпе калаçаймарăм.

(Вышла и пошла по большой дороге. Добралась, наткнулась к красному яру. У красного яра черная речка течет, а на черной речке лодка стоит. Не смогла, матушка, сесть на лодочку, не смогла, родные, грести зелеными веслами. В назначенное время не смогла добраться, а добравшись, не смогла вас увидеть и, увидевшись с вами, не смогла поговорить.)

Записанные у чувашей Самарской Луки песни относятся к разным жанровым группам — пирушечным, солдатским, свадебным и похоронным. Они отличаются яркой образностью, глубиной чувств, лаконизмом речи, оригинальностью форм, а также достойно отражают жизнь чувашей данной местности. Их можно отнести к классическим произведениям чувашского фольклора.

На Самарской Луке широко используется многосложник песенного стиха.

Одним из ярких явлений в фольклоре чувашей Самарской Луки выступает сказочная проза. Нами рассмотрено 44 текста этого жанра, в основном записанных от упомянутого сказочника Л. А. Харитонова. Половину всех записей представляют собой бытовые сказки — 8, волшебные сказания о животных и притчи — 6, были — 4. Примерно такое соотношение жанровых видов народной прозы наблюдается и в других районах активного бытования чувашского фольклора. Отрадно отметить, что во второй половине XX в. в отдаленном от метрополии уголке чувашской диаспоры в довольно большом количестве сохранились сказки.

Сюжетов сказок больше, чем самих произведений, так как в некоторых текстах встречаются по два сюжета. В одной волшебной сказке к основному сюжету привязана, например, картина войны птиц и зверей. А в были о местном силаче Кондрате рассказывается о двух приключениях с ним. Обычно большинство сюжетов сказок у соседних народов бывают одинаковыми, кочующими. Это видно и на указанных материалах. В одной записи, например, явно обнаруживается сюжет русской сказки «Иван-самоучка», а в другой — сюжетная линия пушкинской «Сказки о царе Салтане...», в третьей речь идет о странствиях Ахмеда. Уже это имя главного персонажа говорит о том, что данная сказка заимствована из фольклора восточных народов. Такое явление больше всего распространено в волшебных сказках. Главное достоинство этих произведений заключается в их национальных красках. Так, каждый народ сказочным персонажам часто дает свои любимые имена. В просмотренных материалах встречаются такие языческие антропимы: Пинерпи, Эльпике, Украс, Сернюк, Путай, Емек, Тенюс, Шарлапай, Арук, Туккаш. В бытовых сказках и былях нередко местные реалии (названия сел и деревень, городов, оврагов, рек, обрядов).

Во время экспедиции 1971 г. в деревне Кармалы записан вариант сказки «Чăвашпа тутар» (Чуваш и татарин), пересказанной в стихах чувашским поэтом Гаврилом Кореньковым¹⁷. Она отличается национальной принадлежностью одного из персонажей: вместо татарина выступает русский. А речь идет о том, кто кого перепоеет. Спор в обоих случаях завершается победой чуваша¹⁸.

Этот сюжет вполне может бытовать и в среде других народов, но каждый из них, безусловно, будет отстаивать свое достоинство. У татар широко распространена сказка «Саран и Юмарт». На Самарской Луке впервые зафиксировав ее чувашский вариант, довольно отличающийся своим деталями. Надо помнить и то, что сказочники могут рассказать на родном языке и услышанное ими от людей другой национальности. Среди записей А. Харитонova есть подобные сказки, которые его отец слышал во время солдатской службы среди русских¹⁹.

Сохранились краткие отзывы фольклористов по материалам записей А. Харитонova, составленные при приеме рукописей в Научный архив. В них отмечены художественная ценность и воспитательное значение народных произведений. Так, например, Н.Данилов в 1953 г. писал: «Все три сказки с традиционным содержанием, восхваляющие способности крестьянского сына бедняка, могут быть использованы в подготавливаемом мною сборнике чувашских народных сказок, и мною уже литературно обработано с согласия автора»²⁰. Упомянутые сказки вышли в 1959 г. в сборнике «Чăваш юмах-халапĕсем» (Чувашские сказки и предания).

В. Канюков, просмотрев более десятка присланных А. Харитоновым сказок, заключил следующее: «Записано большим чутьем к художественному слову. Представляют весьма большой интерес. Частично выписываю для «Детского фольклора»²¹.

Действительно, в его книге «Ача-пӑча сӑмахлӑхӑ» (1964) опубликованы некоторые из названных текстов.

Е. С. Сидорова так охарактеризовала сказку «Амӑшӑпе ывӑлӑ» (Мать и сын): «...Сказка бытового характера, о неправильном воспитании одиночкой матерью своего сына. Сын Таламук начинает воровать яйца у соседей, от яиц доходит до лошади. Его судят. Сын говорит, что виновата во всем мать, она не запрещала ему в детстве воровать чужие вещи. Сказка и для детей, и для родителей имеет большое воспитательное значение»²².

Эти и другие отзывы о рукописях А. Харитоновы помогают нам представить богатство и ценность чувашского сказочного фольклора Самарской Луки, подтверждают наше мнение о его художественных особенностях и самобытное:

Особо хочется отметить группу сказочной прозы — иносказательные миниатюры. Фольклористы мало обращали на них внимания. В. Канюков назвал их народным термином *хайла*. По своему смысловому значению этот жанровый вид близок к притче. Эти короткие тексты условно можно назвать монологами зверей, домашних животных и растений. Некоторые их образцы опубликованы в «Детском фольклоре» В. Канюкова. Чаще всего они выражают трудности и особенности жизни того или иного представителя флоры или фауны. Например, текст под названием «Карась» состоит всего из одного предложения: карась будто говорит: «Лишь бы половина бока находилась в грязи озера, — смогу перезимовать, не умру»²³. А яблоня свою жизнь характеризует следующими словами: «В урожайный год мне приходится очень туго: бьют палками, ломают, наносят раны. Кроме этого, сильно устаю под тяжестью яблок. Лишь в неурожайный год отдыхаю»²⁴.

Из детских оригинальных сказок о животных можно выделить «Чи-чи кăсăя» (Синичка)²⁵. Здесь происходит ссора синички с мышкой: мышка не хочет пускать птичку воровать конопляное семя.

У чувашей Самарской Луки записаны также интересные по своему содержанию тексты других жанровых групп. К примеру, текст колыбельной песни довольно сильно отличается от вариантов других мест:

«Чакак патне кайрăм та —

Чакак пăтти ситерчĕ.

Курак патне кайрăм та —

Курак пăтти ситерчĕ.

Серси патне кайрăм та —

Сапă касма хушшăрĕ.

Тур хуплатăр серсине —

Саппи синчех саклантăр.

(Пошел я к сороке — сорочьей кашей угостила. Пошел я к грачу — грачиной кашей угостил. Пошел я к воробью — велел хворосту нарубить. Пусть Бог накажет воробья — пусть зацепится за хворост)²⁶.

Определенный интерес представляют записи текстов из обрядового фольклора — молитвословий и заговоров. Привожу слова молитвы, обращенной к языческой покровительнице домашнего очага чувашей *Хёрт-сурт*: «О добрая Хёрт-сурт, тебе поклоняюсь, тебе бью челом. Сыновей и дочерей, домашних животных охраняй от зверей, дом и строения охраняй от огня)²⁷.

Таким многожанровым и красивым предстает перед нами чувашский фольклор Самарской Луки во второй половине XX в.

Попутно следует несколько слов сказать о чувашских литературных памятных местах описываемых населенных пунктов. Великий сын чувашского народа, просветитель народов Поволжья Иван Яковлевич Яковлев в 1860-е гг. не раз бывал на Самарской Луке. Еще во время учебы в землемерном училище в Симбирске (1860—1863 гг.) в летние каникулы ему приходилось упражняться в землемерном деле в Казанской и Самарской губерниях, но в своих воспоминаниях он говорит только о пребывании под Самарой. Описывая свою жизнь в 1864—1865 гг., И. Я. Яковлев перечисляет названия некоторых местностей Сызранского уезда, где ему приходилось работать землемером. Правобережные чувашские деревни среди них не упоминаются. Но он вполне мог проезжать или останавливаться в них по пути. Особый интерес для нас представляет эпизод его пребывания у управляющего имениями княгини Долгоруковой — поляка Косинского Осипа Львовича (недалеко от села Аскулы). Там И. Я. Яковлев лечился от лихорадки, близко познакомился с управляющим, выполнил несколько его поручений. «Пребывание мое у Косинских имело для меня большое значение в смысле укрепления во мне мысли о необходимости для чуваш письменности. Я любопытствовал, есть ли книги на польском языке. Мне был известен только русский язык. Я видел до того книги только на русском и татарском языках. А тут вдруг узнаю, что у поляков, как и у других образованных народов, существуют книги на их родном языке. Почему же, думалось мне, нет таких книг на чувашском языке у чуваш? Мне было досадно и обидно»²⁸.

К Самарской Луке имеет отношение и биография К. В. Иванова, автора известной классической поэмы «Нарспи», в 1909 г. побывавшего в этих краях помощником землемера. Сведений об этом

не много, но они имеются: есть воспоминания близких поэта, а также письмо, посланное К. В. Ивановым И. Я. Яковлеву со ст. Ново-Спасск, Сызранско-Клязьминской ж. д. (с. Коптевка) от 30 июня 1909 года²⁹.

В 20—30-е годы прошлого века (до 1937 г.) с Самарой была связана культурная жизнь чувашей области: много молодежи училось в техникумах и вузах, на чувашском языке издавались газета «Колхозник», литературно-художественный альманах «Вăтам Атăл» (Средняя Волга), книги чувашских писателей, часто проводились разные культурные мероприятия. Тогда здесь работали Илья Тукташ, Иван Ивник, Нестер Янгас, Андрей Петтоки, ставшие потом известными литераторами. В Самаре же начали свою творческую деятельность поэты Стихван Шавлы, Владимир Бараев, Николай Евстафьев и прозаик Федор Уяр. Во главе этого культурного очага стоял Влас Захарович Иванов-Паймен, принимавший активное участие в работе местной писательской организации и после репрессии. Он писал и на чувашском, и на русском языках. Эти литераторы и журналисты не раз посещали чувашские селения Самарской Луки, писали о ее тружениках и красоте природы. Иногда к ним приезжали гости из Чебоксар и Казани. Об этом свидетельствует письмо, обнаруженное нами в фонде поэта Ивана Ивника. Оно датировано 3/II 1941 г. Вот отрывок из этого письма: «Передайте старику Шелеби сердечный привет. Привет от того мальчика, у которого он некогда был в гостях в деревне Чувашские Липяги Самарского района. Сообщите ему, что я перевел его «Чувашскую песню», скоро к нему пришло письмо. Привет и Илье Тукташ(у), с которым мы тоже некогда были активными посетителями Самарского клуба нацменов»³⁰. Письмо подписано Дмитрием Куликовым. Оно отправлено из Ленинграда³¹.

Литература, источники и примечания

¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 63. Л. 248.

² Там же. Ед. хр. 341. Л. 2. Материалы участника экспедиции Чувашского НИИ Л.А.Иванова за 1971 г.

³ Личный архив Г. Ф. Юмарта. Письмо А. Харитонова от 2 апреля 1974 г. В письме указан год издания труда А. Соболева (1965), но название его не упомянуто.

⁴ Там же.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 210. Л. 11. Предание записано А.Харитоновым в 1962 г. в с. Березовый Солонец от старика Митрофанова Алексея Федоровича, который слышал его от односельчан.

⁶ *Симаков В.* Самар Кукринчи чăвашсем // Тăван Атăл, 2001. 8 № 65 с.

⁷ Путешествие Ахмеда ибн Фадлана на реку Итиль и принятие в Булгарии ислама. Древний текст пересказал Султан Шамси. М., 1992.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 346. Л. 30. Песня записана Г. Ф. Юмартом в 1971 г. в с. Березовый Солонец от 63-летней А. А. Ильиной.

⁹ Чăваш халăх сăмахлăхĕ. VI т. Иккĕмĕш пайб. Мифсемпе халапсем. Шупашкар, 1987. 338—339 с.

¹⁰ *Юмарт Г.* Тёрек. Шупашкар, 1983. 4—5 с.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 425. Л. 56. Материалы П.П.Фокина, участника экспедиции за 1971 г.

¹² Там же. Л. 61.

¹³ Там же. Ед. хр. 346.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 425. Л. 62.

¹⁵ Там же, отд. VI, ед. хр. 44, л. 35.

¹⁶ См. статью А. А. Осипова, вошедшую в данный сборник.

- ¹⁷ Литература еткерё : 1991. Шупашкар, 1991. 87-89 с.
- ¹⁸ НА ЧГИГН, отд. III, ед. хр. 346, л. 17.
- ¹⁹ Там же. Ед.хр. 194. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Ед.хр. 85. Л. 86.
- ²¹ Там же. Ед.хр. 181. Л. 54.
- ²² Там же. Ед.хр. 194.
- ²³ Там же. Ед. хр. 215. Инв. № 1825.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 272. Инв. № 1959. Л. 91.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 346. Л. 43.
- ²⁶ Там же. Л. 38.
- ²⁷ Там же. Ед.хр. 210. Л. 73.
- ²⁸ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. М., 1997. С. 106—107.
- ²⁹ Константин Иванов. Ырнисен пуххи. Шупашкар, 2000. 261 с.
- ³⁰ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 35.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 346. № 2755.